

Интервью Александры Ломакиной с наместником Свято-Троицкой Александро-Невской лавры епископом Выборгским, викарием Санкт-Петербургской епархии Назарием (Лавриненко)

«ЖИЗНЬ МОНАХА – ТАЙНА?»

Корр.: Владыко, как повлияла на ваш выбор стать священнослужителем ваша семья?

Епископ Назарий: Я немного необычный священник: в нашей семье никогда не было монахов. Только мой дедушка был церковным старостой, за что и пострадал. И семья у меня была такая... я бы сказал, «теплохладная». Что называется, не были атеистами, но не были и сугубо церковными людьми. Единственной, кто старался соблюдать религиозность, была моя мама. Это ее отец был старостой, и она с детства посещала храм вне зависимости от того, какие тяжелые были годы: Гражданская война, революция, после революции все пошло понятно как... Но она никогда не боялась ходить в церковь. И даже в нашей огромной семье – а я шестой ребенок – мама старалась соблюдать посты. Я всегда удивлялся, как она при такой ораве, когда все дети постоянно хотели кушать, умудрялась для себя приготовить что-нибудь постное. Я иногда смотрел, как мама готовит картошку и немножечко отсыпает, отставляет в сторону – для себя жарит без сала. Для всех так, а для себя вот так.

Мама и приучила меня к некоторым церковным традициям. Сколько себя помню, я всегда ходил с ней в церковь, пока не случилось то, что случилось. В соседнем селе, где я учился, была церковь, практически единственная сохранившаяся во всем нашем крае. Район у нас – в Черкасской области Украины, за родовым поместьем Богдана Хмельницкого – исторический, и в первую очередь в таких местах власти

стремились покончить с религией. Поэтому устраивались облавы... Во втором классе меня поймали наши комсомольцы-активисты, выстригли мне крест на голове, и потом все посмеивались надо мной: «святоша».

Конечно, после этого моя религиозность никуда не пропала: я всегда стремился в храм. Никаких переворотов в моей жизни не было, никаких сновидений, никаких явлений... Воцерковленность засела во мне с детства. Но по-настоящему я пришел в храм только после института.

Я учился в сельхозинституте в Симферополе. Город небольшой, в нем всего два храма. В какой ни пойдешь – везде глаза и уши. Могли вытупить из института взашей, а потом как? На первых курсах моей учебы мама получала три рубля пенсии. Когда начала получать семь – вообще богачами стали. Отец тоже

не работал, после войны занимался только домашним хозяйством. То есть я не мог позволить себе вылететь из института. Я не боялся этого, но понимал, что мои родители тянутся с последней копейки. Я даже в сельхозинститут попал только потому, что там уже учился мой брат, и вдвоем было проще. На самом деле я готовился поступать в Крымский медицинский институт, туда, где читал лекции святитель Лука, будучи уже слепым.

Окончательно я пришел в Церковь, когда приехал в Киев. Там я стал работать в ботаническом саду и сразу пошел петь в церковный хор. С этого и началось.

Потом пошли сложные годы, никакой научной перспективы не было. Я начал писать кандидатскую диссертацию и делать работу в области генетики, но понял, что все, что я делаю – это никому не нужно. Отношение к науке стало другое. У меня вообще обостренное чувство справедливости (я до сих пор иногда не могу себя сдерживать, где надо бы промолчать), поэтому, когда к моей работе начали «примазывать» совершенно посторонних людей, это стало последней каплей. Я сказал: «Все!» Взял рекомендацию от батюшки, в приходе которого пел, и тридцать лет тому назад приехал в Петербург.

Корр.: Почему ваш выбор учебного заведения пал именно на духовную семинарию и академию в Петербурге?

Епископ Назарий: Видите ли, в церковных кругах того времени было три школы в трех городах: Одесса (семинария), бывший Загорск – Троице-Сергиева лавра

(московская академия) и Петербург. У нас в церковной среде всегда была такая поговорка: в Одессе надо трудиться (потому что там есть виноградники, земля – студенты там пахали дай бог), в Москве – молиться (потому что там академия при лавре), а в Петербурге – учиться (так как он всегда славился своими профессорами, богословами). А поскольку я уже окончательно решил связать свою жизнь с церковью (меня больше не пугали ни преследования, ни увольнения с работы), то и учиться решил настолько, насколько это возможно: окончить не только семинарию, но и академию. Это желание учиться и привело меня в Петербург.

В институте я учился с прилежанием. Представьте себе, каково мне было после украинской школы сдавать вступительные экзамены на русском языке! Но я учился хорошо, особенно мне давались гуманитарные науки. Откровенно признаюсь, до сих пор не люблю ни математику, ни физику, ни химию... разбираюсь, но просто зубрить для меня было невыносимо.

Когда я пришел сюда, благодаря моему высшему образованию меня сразу взяли во второй класс (семинария считается средним учебным заведением, поэтому в ней не курсы, а классы). За первый год я сдал экстерном экзамены за первые два класса, за второй год – за третий и четвертый. Так что те два года были для меня периодом безвылазного сидения в библиотеке. И если бы не наши строгие преподаватели, которые под угрозой двойки по поведению собирали нас – всех приезжих – на экскурсии по Петербургу, то я бы так и скис за книжками.

Конечно, Петербург всех поражает, как тогда, так и до сих пор. Благодарю Бога, ведь никогда в жизни я не думал, что придется не только учиться, но и дальше жить и служить в Петербурге! Для меня это большой подарок.

Корр.: *Ваше преосвященство, Вы непосредственно связаны с Александро-Невской лаврой уже больше четверти века. Как она изменилась за эти годы?*

Епископ Назарий: Лавра... Конечно, пока я учился в семинарии, мы видели лавру, но обходили ее стороной – посещали только

Свято-Троицкий собор. Лавра тогда была отдана под НПО (научно-производственное объединение) «Прометей». Только когда я стал местником, я узнал, что здесь велась очень большая работа с особо прочными материалами, были уникальные установки, «ковалось железо» для танков, самолетов, подводных лодок... А пока я учился, мы не имели права никуда заглядывать, кроме собора. Конечно, сегодня совсем другое дело, но до сих пор живущие поблизости воспринимают Троицкий собор как приходской (как это было с 1956 года, когда его передали в ведение прихода бывшей лавры). Даже сейчас у журналистов иногда проскакивает: «Свято-Троицкий собор, бывшая Александро-Невская лавра», из-за чего я очень много ругаюсь с теми, кто так пишет в своих публикациях.

Казалось бы, для некоторых прихожан практически ничего не изменилось, как ходили они в собор, так и ходят. Я не стал устраивать здесь революции. Но, с другой стороны, уже заметны перемены. Например, в монастыре нельзя совершать браковенчания, но я приучал к этому людей постепенно – шесть или семь лет. Приучал и к более продолжительным службам, и к тому, что монахи в монашеских одеждах здесь ходят. Но, к сожалению, до сих пор монастырь воспринимается так, как будто это только приход и не более того. И те разительные перемены, которые произошли для меня, для людей не очень видны.

Кстати, к началу 2013 года венчания возобновлены: для этого мы подготовили Надвратную церковь, которая выходит прямо на Невский проспект. Она находится вне монастыря, и там мы имеем право проводить венчания. Этого многие люди давно ждут. Сейчас основной ремонт закончен, уже идут косметические работы, устанавливается иконостас и прочее.

Естественно, когда человек приходит, первое, что он видит – это не то, что мы тут молимся, а то, что тут красиво, газоны, цветы... Некоторые меня упрекают: почему так много тратится денег на то, чтобы устроить здесь клумбы? Да потому, что человек видит это в первую очередь! Если мы кусок стены побелим, не каждый это заметит, а вот если кто-нибудь придет и встретит тут, как

я это называю, «отблеск райской красоты», то тогда это заметно и людям приятно.

Корр.: *Владыко, для большинства людей жизнь послушника и монаха – тайна. Что изменилось в жизни послушников с тех пор, когда вы сами только начинали этот трудный путь?*

Епископ Назарий: Если говорить о сути, то в жизни послушников и с тех пор, и до сих пор, и со времен Пахомия Великого (а это III век) ничего не меняется. Потому что послушники – это те люди, которые приходят, чтобы испробовать себя: смогут ли потом стать монахами, вести такой образ жизни, посвятить себя сугубо Церкви. Этот принцип не меняется. Но! Тогда, при Пахомии Великом, и сто лет назад, естественно, не было Интернета, не было телевидения – того, что сейчас нас привычно окружает. Конечно, с этой точки зрения послушники изменились. И это неплохо, потому что когда приходят люди, они говорят о том, что их окружает. А если бы монах был от этого совершенно отлучен, то не смог бы даже поддерживать разговор с новым человеком.

Вот я, например. Все знают, что в девять часов я смотрю программу «Время». Зачем? Да, может быть, и не надо было, но ко мне завтра придут и спросят: «Вот ты, епископ, что думаешь по поводу такого-то нового закона?» Как я смогу ответить, как смогу судить с точки зрения морально-нравственной, если даже не знаю, о чем меня спрашивают? А если я этого не знаю, то не имею даже права об этом говорить. Просто отмолчаться и сказать: «Не знаю», – это не ответ. Ведь никто не заставляет смотреть то, что тебе не нравится и разрушает твое внутреннее состояние. Понятно, что массовой культурой наносится много вреда, но человек – и церковь тоже – обязаны жить в любом обществе, при любых социальных и политических режимах. Может быть, хорошо бы вернуться в XVII век, когда священник был, образно говоря, «царь и Бог» для простого человека: и источник знаний, и источник морали, и воспитатель его детей. Даже его самого немножечко приструнял: «Что ж ты пьешь или жену свою бьешь?» Поп тогда был отцом. А сейчас все изменилось.

Теперь очень часто народ (особенно городские приходы) – это не прихожане, это захожане. Они могут прийти сегодня сюда, завтра – туда, послезавтра – еще куда-то. И приходской семьи как таковой нет, священник становится требоисполнителем, перестает быть отцом для своего прихода, который должен быть постоянной единицей. Часто люди говорят: «Ой, у нас и так храмов много, куда еще-то строить?!» Но ведь раньше на каждой улице был храм, где священник образывал приход! Было строго: не мог прихожанин пойти в другой приход на исповедь, люди друг друга знали. Если кто-то не появлялся, то надо было пойти, посмотреть: может, человек умер? А может, случилось еще что-то? Это была настоящая семья. С этой точки зрения сейчас все по-другому. Хотя если священник действительно мудрый, то он и теперь сможет вокруг себя образовать такую среду, которая будет помогать ему и мессу вести, и прощение – помощники найдутся из самих мирян. Тогда и никто извне не сможет отрицательно повлиять на эту крепкую семью, имеющую своего отца, вокруг которого она сформировалась. А взять наш Свято-Троицкий собор: там только 20–30 человек бывают постоянно, а остальные – туристы. Конечно, по этой причине и наши функции, и наши методы работы меняются. Только сама идея – она остается одной и той же: обрести спасение. Во-первых, самого себя, во-вторых, быть молитвенником за весь мир. Это будет для монахов на вечные времена.

Но тактика уже другая. Приходится не то что приспособливаться, а, наоборот, приспособливать к этой стратегии время и среду. Потому что в первом случае у тебя ничего не получится – так и будешь приспособленцем. Нужно извлечь из этой среды полезное для твоего духовного развития, а все остальное оставить там. И постараться через осмысление, восприятие того нового, что появляется вокруг, повлиять на среду или хотя бы на представителей этой среды. Может показаться, что это слишком высокая задача, что это фантастика. Но это так.

Вы говорите, что жизнь послушника и монаха – тайна? Да никакой тайны нет. Собственно говоря, то,

что положено послушнику и монаху – положено и каждому христианину. Все мы, независимо от нашего состояния, призваны следовать по пути спасения. Но есть разница: для монаха и послушника, если он старается следовать уставу, жить правильно – это каждодневный труд. К сожалению, человек в суете мира теряется, ему необходимо исполнять множество других обязанностей: и семьянина, и гражданина. Человек лишь иногда вспоминает – пару раз в год – о том, что ему надо следовать пути спасения. Конечно, есть люди, которые не мыслят себе жизни без храма.

Тайна только в том, что монах (послушник еще может колебаться и даже уйти из церкви – он еще не давал обет) с того момента, как открыл утром глаза, и до того момента, как лег спать, мыслит о спасении. Это должна быть главная мысль. Но, к сожалению, не всегда так бывает: мы ведь тоже люди. Я всегда сравниваю наш путь с тем, как теленок ведут на веревочке. Стараются вести ровно, чтобы он ножку не сломал, а этот теленок то влево, то вправо, то в яму, то в канаву!.. Вот так и мы идем по пути спасения. А куда мы дойдем – одному Господу известно.

Ничего тайного в Церкви, особенно в православной, нет. Самая главная тайна – это Воскресение Христово. Но мы о ней говорим открыто и говорим только то, что есть в Священном Писании. Каждому, кто хочет это познать, мы даем такую возможность. Ореолом какой-то тайны, неизведанности Церковь покрывать не надо.

Корр.: *Ваш вклад в восстановление Александро-Невской лавры широко известен. Что, по вашему мнению, еще предстоит сделать в этом удивительном месте?*

Епископ Назарий: Я постоянно говорю: у хорошего хозяина работа всегда найдется. С одной стороны покрасил, с другой – обвалилось. Например, даже за время моей короткой жизни наместником (я тут 16 лет) мы уже второй раз ремонтируем Троицкий собор.

Самое главное, что нужно сделать (для меня ли – смотря какое время мне Господь отпустит, для другого ли – кто придет после меня), – это, конечно, созидание братии. Это самое трудное. Если

раньше христианство было традиционным, оно впитывалось с молоком матери, то сейчас почти 100 лет атеистической среды сделали свое дело. Раньше в монахи шли в основном крестьяне, а сегодня – кто? Это мужья, которые покинули жен, которым приходится платить алименты, отвечать за детей. Это люди, которые уже сидели в тюрьме и не могут найти себя. Это пьяницы, это наркоманы, это... не смотрите слишком пессимистично, я говорю о тяжелых случаях. Есть интеллигенция, но у нее свои проблемы. Они приходят в церковь и говорят: «Мы уже все знаем, мы будем спасать Церковь». При этом забывают или не знают, что Церковь их спасает, а не наоборот!

Но все-таки, сколько бы Церковь не гнобили, не разоряли, есть часть людей, которые через все это сумели не только сами пронести веру, но и передать ее своим детям и внукам... Кто у нас главные апостолы? Бабушки! Они крестили внуков, они учили их молитве «Отче наш», сами более ничего не зная! Они бросили первое зерно Священного Писания и спасительного слова. Наша задача как раз в том, чтобы поддержать то светлое, что есть в душе человека, и показать, что можно жить честно и добросовестно исполнять свои гражданские и общественные обязанности. Показать, что даже при самых плохих условиях можно оставаться человеком. Для сегодняшнего человека это очень важно. Когда люди смотрят на окружающий мир и видят эту среду потребительства, поиска удовольствия и так далее, люди, которые с чистым сердцем, впадают в отчаяние: как же можно говорить о Христе, о спасении, о вере, о добре, о любви, когда вокруг такое? И мне кажется, что одна из главных задач Церкви – показать, что Христос никуда не уходит, Он с нами, Он уже нас спас, только вот мы – примем ли эти плоды спасения или нет?

И монахи должны выполнять эту задачу. Конечно, есть разные формы монашества: отшельническая, скитская и другие. Но на сегодняшний день, мне кажется, у нас нет практически ни одного настоящего отшельника. В отшельничество уходят люди, которые либо не хотят кому-то подчиниться: или игумену, или епископу. Это люди,

которые ищут безыдейного созерцания, потому что духовно не готовы. Скитянин или отшельник может быть настоящим только тогда, когда он прошел настоящую жизнь, все увидел, узнал и по благословиению уходит подальше от мира, для того чтобы молиться о всем мире.

Сейчас основная форма монашества – наше общежительное житие, то есть быть открытыми миру и в то же время не пускать мир (в худшем смысле слова) в себя, для того чтобы остаться все-таки выше и чище, хотя бы немножечко. И этой чистотой, добротой и любовью делиться со всеми, кто приходит и ищет этого. Это важнейшая задача, потому что всегда будут люди, которые ищут добра и света, и всегда будут люди, которые от него бегут. Наличие свободной воли – единственное, что отличает нас от остального животного мира. Мы – люди – наделены возможностью выбора, но для того, чтобы его сделать, надо знать, что есть другие варианты. И задача церкви – показать людям, что есть добро и зло.

Корр.: *Ваше преосвященство, Александро-Невская лавра, как известно, место с уникальной историей. Как лично вы ощущаете на себе святость этого места, его мощное историческое прошлое?*

Епископ Назарий: Это сложный вопрос. Александро-Невская лавра уникальна даже с точки зрения собственного возникновения. Практически все монастыри начинали свое существование с появления одного подвижника, вокруг которого собирались другие. А лавра возникла по указу Петра I, то есть первые монахи приехали из мест с тысячелетней историей – в основном из Киево-Печерской лавры.

Несмотря на то что страна уже давно стала православной, в петербургских краях до XV–XVII веков еще оставались язычники, например карельские племена. Процесс христианизации этой области был очень длинным, часто трагическим. Но в то же время это были и новгородские земли, которые пытались захватить и обратить в свою веру католики. Так что лавра стала духовным центром этого края. Петру она была нужна для двух целей: кузница кадров для епископов и подготовка монахов для флота, которому нуж-

ны были собственные священники. Около 70 епископов вышло из этой лавры!

Кроме того, первая типография в Петербурге возникла именно тут. Здесь появилась греко-латинская школа, и отсюда пошло духовное образование. Это было место, где началось просвещение, и учителями во многих церковно-приходских школах были выходцы из лавры.

Более того, Невский проспект обязан своим рождением лавре: именно местные монахи прокладывали его с обеих сторон, используя разрушенные здания монастырей как материал для строительства. Половина домов на той части Невского проспекта, который мы привычно зовем Староневским, это доходные дома лавры.

Как мы ощущаем святость этого места? Тем, что мы тут живем. Если бы это место не было святым, то после того, что творилось в нашей стране (тем более в Петербурге – городе трех революций), мы бы сюда не вернулись. Наш особый груз ответственности заключается в том, что не так давно нам вручили особую драгоценность: мощи святого Александра Невского. Быть их хранителями – это огромная ответственность.

К сожалению, мы, живущие здесь, часто забываем о том, что у нас есть великие святыни. Мы же едем за ними на Кипр, в Грецию, на Святую землю, еще куда-то... Я, например, свою паломническую службу ориентирую на близлежащие святыни и на Петербург в том числе. Прежде чем ехать куда-то за историческим прошлым и святостью, надо хорошо узнать свое: забывать его – это неправильно. Надо ценить то место, которое Господь нам определил для жизни.

Корр.: *300-летний юбилей Александро-Невской лавры – это выдающееся событие в жизни не только России, но и всего православного мира. Чем встречает лавра эту знаменательную дату?*

Епископ Назарий: Конечно, хочется встретить так, чтобы лавра засияла хотя бы внешней красотой. Некоторые говорят: «Да что эти фасады? Вот молитва!..» Но, знаете, когда люди приходят и им на голову сыпятся кирпичи, тут тоже не до молитвы. Поэтому все должно быть в равной

степени. Зачем мы украшаем храмы, себя? Только лишь для Бога. Ведь мы совершаем **Богослужение**, а Ему мы стремимся дать самое лучшее.

Церковные сокровища копяты веками. Они создаются всеми людьми, а в церкви только накапливаются, и поэтому говорят, что церковь богатая. Да, но она богата всеми предыдущими поколениями – это общее достояние. И то, что, выходя на службу, я надеваю «золотую» шапку – митру, не значит, что я заберу ее с собой в могилу или подарю брату, свату или еще кому-то. Это церковное достояние. Пока я тут, я этим пользуюсь, а потом бережно передам следующему поколению.

Сейчас у нас в братии сорок человек. Это, конечно, мало. Если бы было еще человек двадцать-тридцать, не пришлось бы в таком количестве искать людей для бытовой работы. Среди помощников братии особенно много пенсионеров. Мы сами не справляемся: хозяйство очень большое, а у нас огромная служебная нагрузка. Надо постоянно держать людей, которые бы присматривали за стенами, зелеными насаждениями, за коммуникациями, отоплением, водой – так сказать, без ЖКХ никуда. К сожалению, приходится держать и сторожей, потому что люди очень разные, иногда пытаются пожить.

Корр.: *Владыко, уже 16 лет вы – наместник Александро-Невской лавры. До вас еще никто столь долго не был настоятелем этой обители. Что вдохновляет вас на этот подвижнический труд? Что дает вам силы? Кто ваши помощники?*

Епископ Назарий: Что вдохновляет? Послушание! Самое главное для монаха – послушание. Если бы я попал не в лавру, а в разрушенный храм – как в свое время я попал в Коневецкий монастырь, – для меня это тоже было бы самым главным делом в жизни. Это то место, в которое определил меня Господь. Я не считаю, что это подвижнический труд. Иногда на меня обижается братия: «Что ж вы нас не похвалите, ведь мы так хорошо сделали свое дело?» А зачем хвалить? Я буду хвалить только за сверхзаслуги. А если я делаю то, что мне положено каждый день, то зачем меня хвалить? Я просто пообещал Богу, что буду это делать

ровно настолько, насколько он дает мне силы, таланты, возможности. Это мой путь спасения. Конечно, приятно отметить кого-то саном или наградой... Я не очень люблю все эти дифирамбы, но если мне что-то дают, я не могу не принять. Сам от себя я мог бы сказать: «Мне это не надо», но за мной люди стоят. Для тех, кто за моей спиной, кто своим трудом заработал это поощрение, я его принимаю. Без удовольствия, но в благодарности тем людям.

Силы мне дает и то, что я считаю это промыслом Божиим, моим путем спасения. А если главная цель у человека – спасение, а я иду по этому пути, то это и есть самая большая награда! Что может быть лучше? Иногда думаешь: «Господи, зачем мне эта стройка?! Читал бы себе молитвы!», а иногда: «А кто, если не я? Если мне даны эти таланты, то я должен их использовать». Тогда просишь: «Господи, зачти мне эти труды, кирпичи,

гвозди, доски за молитву». Я братии всегда говорю: «Вы молитесь, а я буду за вас делать все, что вас отвлекает от молитвы». Тогда, может, и мне зачтется...

А помощники мои – это не только те люди, которые могут дать что-то материальное. Это те, кто лоб перекрестит и скажет: «Помяни, Господи, епископа Назария с братией и святые обители сия». Вот это мои помощники.

Спаси, Господи!

Архипастырь

К юбилею преосвященнейшего vicария Санкт-Петербургской епархии, наместника Свято-Троицкой Александро-Невской лавры епископа Выборгского Назария (Лавриненко)

Ю. А. Молин

Прошли многие десятилетия с тех пор, как юный сын доброй украинской земли, уже будучи молодым специалистом-агрономом, приехал в Ленинград, чтобы радикально изменить свой жизненный путь – стать священником. Ленинградская духовная семинария, затем – Академия. И до того сроднился Николай (в постриге – Назарий) Лавриненко с этим внешне суровым, таким непохожим на родные украинские места городом, что незаметно стал неотъемлемой частью Ленинграда, а затем Петербурга. Фигурой ныне столь известной, заметной, полезной, значимой, что вправду мы сегодня сказать: владыка Назарий – неотъемлемая часть истории Ленинграда – Петербурга, а потому и слово о нем на страницах нашего журнала более чем уместно.

Епископ Назарий и камни – так сначала хотел я назвать статью. Ибо на всем долгом священническом пути по слову Господа собирал он камни: очищал от них заброшенные поля, строил и ремонтировал храмы, возрождал монастыри, мостил к ним дороги, возводил ограды и пристани, ставил памятные кресты. И освящал

все содеянное... Потом показалось мне, что не это главное, хотя и зримо видимое всеми делание его. Понял, что еще весомее собираемые вокруг себя владыкой очищенные души людские, возрастающая количественно и качественно братия обителей, тысячи людей, заполняющие ежедневно храмы монастырей и подворий нашей митрополии.

Знакомство наше произошло давно, в 90-х годах архимандрит Назарий нес тогда послушание настоятеля Рождество-Богородичного монастыря на острове Коневец. Приобретении погребения основателя обители – преподобного Арсения

Коневского, посчастливилось мне с коллегами принять участие в освидетельствовании святых мощей, с научной точки зрения подтвердить их подлинность.

За долгие годы знакомства пришлось мне видеть разного отца архимандрита: и обличающего провинившегося монаха за упущения и нерадение, и священника, утешающего в горе, и веселого радужного хозяина на своем юбилее, и заботливого брата, хлопчущего о старенькой хворающей сестре, и терпеливого, доброго пастыря, наставляющего на Путь.

Мы почти одногодки, но иногда, беседуя с владыкой, чувствую себя просто мальчишкой – такие глубокие, иногда неожиданные оценки людям и событиям дает он. Проходит время и я убеждаюсь в точности его прогнозов. В мире сейчас время «мнимых величин»: ярких броских оболочек, в которых упакована... пустота! Это может быть и фирма, и книга, и реклама, и спектакль. К сожалению, и человек. Иногда мне кажется, что владыка видит и события, и людей насквозь, как врач у рентгеновского аппарата.